

охранялась ли русская вокальная школа на оперной сцене — вопрос. По большей части она выродилась в некультурное горюдерство, в надсаживание груди. А ведь есть что петь в операх от Глинки до Прокофьева. И почему-то в русской классической опере часто нужны четыре женских голоса, четыре разных характера — но только обязательно с мягким, тонким теннисем, внятным выговором, с особой одухотворенностью.

В «Руслане и Людмиле» Глинки нежная Людмила, тающий в неге Ратмир, целеустремленная Горислава и интриганка Наина, то солируя, то сплетаясь в изощренные ансамбли, держат оборону против тяжеловатых басов и нечестолобивых теноров — и поддерживают ее с блеском истинных виртуозов. В «Юдифе» Серова победительная Кудифь и рассу-

том: не все слава еще найдены, не все чувства в себе самом уловлены...

Однако без чего примадоннам нельзя, так это без кличек. Вспомним: La Divina — божественная (Каллас), La Stupenda — ошеломляющая (Сазерленд), La Prudentissima — самая осматрительная (Френи).

Не суетитесь, если в поисках прозвищ придется заглядывать в латинику с дракопечностями: не в мясной же лавке искать слова для названия священных чудовищ.

Рохочущие артеджии арфы, шелестящие шелка, яркие проблески серебряных нитей, колокольцевые россыпи хрустальных бусинок. Любящаяся, искрящаяся вода — вот ее стихия. Пиршество верхних ног, брызги фонтана Треви, большой каскад Петергофа, волопад сверкающих интонаций. Но все это не прямым посылом, а в легкой дымке, в загадочном сфумато, как и полагается голосу монарховской Графини из «Свадьбы Фигаро» или дружицы

она, La Dolcissima — сладчайшая, Мадлен Джабраилова, с ее прустовским именем, в котором к тому же спрятаны и камелии Виолетты Валери.

Шум сыплющихся на пол шпилек, вихрь от летящей шали, тяжесть врезающегося в лоб парского венца, на глазах у изумленной публики превращающегося то в тернии, то в переплетенных змей. Голос, распахивающийся, как глаза: сначала сквозь густые ресницы-шорохи доносится лишь лебединый шип, неясное свечение, а потом мощное fortissimo, режущая глаз молния низвергается на нас, чтобы сбить с ног и не дать подняться. Похожа двоящаяся, проясняющаяся: то крадущаяся, незаметная, то танково-императорская, триумфирующая-броская на помосте славы, то раскованно-танцующая, гарцующая на празднике в честь самих себя. Ее стихия — воздух, населенный злыми и сивфидами. Мстительная Медея, infernalная

Квартет примадонн: русская вокальная школа

Об актрисах театра «Мастерская Петра Фоменко»

дательная Авра с двумя услужливыми одalisками в придручу не дают разгуляться московскому купчику Олоферу в строгим интерьере петербургского высшего света, тающего в себе иной блеск — блеск террористического клинка. В «Евгении Онегине» Чайковского и вовсе все начинается с дамского квартета, и лирические воздыхания о соловье смешиваются с рассуждениями о привычке как замене счастья недаром, ох, недаром: это глумым мужчинам предстоит идти через три акта долгим путем познания, чтобы потом проклясть свой жалкий жребий, а женщины в русской провинции, как всюду в мире, уже с самого начала знают, кому что написано на роду...

Откажу себе в удовольствии порассуждать о женских квартетах в «Снегурочке», «Китеже» и «Царской невесте» Римского-Корсакова, «Пиковой даме» и «Борисе Годунове», потому что сегодня хочу говорить о другом квартете. Квартете столичных примадонн а небаготом на священных чудовищ московском пейзаже. Квартете актрис театра Петра Фоменко, пришедшего в Москву атмосферу русской оперы, такой, какой мы ее любим — в нашем очень глубинном сознании, поскольку оперная реальность не дает на это никакого права. Фоменко открыл нам путь для хождения в невидимый град Китеж и явил дед Февроний в их сегодняшнем обличье, и да простится мне высокопарность слога.

Квартет примадонн. Каждой хочется пропеть отдельную песню, не годится же примадонна читать вместе. И все же сегодня, в виде предварительного действия, придется пойти на хвалу оп-

Нормы. Да, это она, L'Argentea — серебристая, Полина Кутепова, чье имя недаром отсылает нас к теме альянса бельканто на русскую литературу.

Бархатные подушечки, на которые падают матовые жемчужины, с одной стороны, безупречно ровного свечения, с другой стороны — непредсказуемо неправильной формы. Переливы среднего регистра, округлость переходов, выверенное дыхание, незыблемое чувство опоры. Земля, центр мироздания, земля, теснящая и одновременно поддерживающая воду, — вот ее стихия. Так ощущает себя соперница Нормы Адалгиза, так ведет себя бедняжеческий Ромео, покинутый женским грелом. Когда-то веронских влюбленных пели несравненные сестры Гризи — сегодня она, La Regina — жемчужина, Ксения Кутепова, в полный рост стоящая рядом с сестрой Полиной, являет найденную соразмерность в трагедии и поддержке. И уж кому, как не им, петь дуэт Лизы и Полины в «Пиковой даме»?

Лоск плотного атласа, матовый налет тугого бутона розы, хруст накрахмаленного бюросельского кружева, легкий стук каблучков. Трепещущее пламя свечи, спокойное потрескивание трещащего камня. Ровная линия полетного голоса, обезоруживающая искренность каждой ноты, инструментальная чистота интонирования — что еще можно пожелать идеальной Сюзанне, идеальной Прилепе из «Пиковой дамы», которую недаром на Западе переименовывают в Хлою, идеальной Снегурочке, в конечном счете убитой собственной искренностью, столь сладостной для человеческих сердец? Да, это

Старая Графиня из «Пиковой дамы», высокопарная Юдифь, обольстительная цародейка Альцина. Смена голосовых регистров, смена тембров, смена кантиты на стахатные россыпи, смена молчи на беззастытность: все ошеломляюще смело и легко. Да, это она, La Maga — волшебница (или даже колдунья, ведьма) Галина Тюнина, полногласностью своего имени завовавшая в область чистого пения.

А может быть, не нужны русским примадоннам претенциозные иноземные клички? Ведь они склонны больше к возвеличению собственного имени, к превращению его в миф. Галина, Ирина, Елена. В оперной напай реальности квартета не набралось.

Полина, Ксения, Мадлен, Галина. Может быть, четыре вокальные школы встретились здесь — шелговатая итальянская, углубленная немецкая, утонченная французская, эмоциональная русская — чтобы в каждой из примадонн в отдельности и в общем их квартете показать нам, отлученным от земного рая оперных пиршеств, что же такое женское естество, то мерцающее, то радужно-искривляющееся?

А может быть, все совсем просто, и они воплотили в сегодняшнем времени и в московском пейзаже самые почитаемые в России женские образы — Веру, Надежду, Любовь, Софию? В этом случае важно не то, кто из квартета кому соответствует, а то, что сумма сил способна ежевечерне разогнать с душевного горизонта низкие, черные тучи. Мрак нашей углой жизни, попробуй поспорь с учтивым примадоннским сиянием!